

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ БАРЫШНИ-КРЕСТЬЯНКИ

Исполнилось 230 лет со дня рождения Парашы Жемчуговой

Независимая
Майя Крылова

Зажеда, — 1998. — 5 авг. — с. 7

давал ему не только эстетическое удовольствие, но и возможности иных радостей. Бытописатели Кукова рассказывали, как граф «обходил комнаты» крепостных певич и танцовщиц, «по минутной прихоти оставляя то в одной, то в другой комнате платок: за платком являлся он ночью без посторонних свидетелей, кроме той, которая должна была возвратить этот платок».

Существующая во многих ва-

и впрямь могли покорить его угодню. Серия портретов Аргунова изображает женщину несоменно и нестандартно красивую, врожденно благородную, исполненную тихой, покорной прелести, но в минуты воодушевления преобразившуюся в существо отважное, страстное и самоотверженное. Таковы были и ее сценические героини, по тогдашней театральной терминологии, первые любовницы и невинные

неожиданно оказывающаяся крестьянкой, вследствие чего чуть было не расстроился ее брак с любимым дворянином. (Публика утопала в слезах). В вольтеровской «Нанине», где безродная воспитанница оказывается изобранный графа, ей не довелось выступить (главную роль играла прежняя фаворитка Шереметева Анна Изумрудова), но в арии этой комедии есть слова, будто написанные про Парашу: «Жестокое мученье иметь высокий дух и низкое рождение». И про нее же нравучительная реплика в финале: «Сегодня заключить могу я по всему, что добродетели должны вознаграждаться».

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА, ГРАФИНЯ ШЕРЕМЕТЕВА

В 1797 году ролью Элианы на спектакле, данном в честь посещения Останкина Павлом I, закончилась сценическая карьера Прасковьи Жемчуговой. Шереметев сворачивает дела своего театра и вслед за императором уезжает в Петербург. Там, на «тайной» половине роскошного особняка на Фонтанке, Параша живет, занимаясь рукоделием и игрой на арфе, мучаясь, как и ранее, от двусмысленного своего положения «барской барыни», от грязных сплетен и завалированного презрения окружающих. Она все еще крепостная. Обостряется туберкулез, но временно проходит. Ее возлюбленный по своему страдает не меньше, разрываясь между сословными предрассудками, сознанием греховности содеянного и страстью.

Лишь в 1798 году, едва не умерев от тяжелой болезни, исполненный религиозного раскаяния, граф подписывает Параше вольную. Еще через три года в маленькой церкви на Поварской состоялся тайный брак обер-камергера, гофмаршала, тайного советника, сенатора и кавалера всевозможных орденов Российской империи с его бывшей крепостной крестьянкой Прасковьей Ковалевой-Жемчуговой. По этому случаю доверенные люди ловко соорудили «родословное древо» невесты, оказавшейся якобы родом из польского шляхтинского рода Ковалевских, в незапамятные времена полоненных на Руси и попавших впоследствии в крепостную зависимость... К этому моменту вся семья Ковалевых была отпущена на волю. Брак признал Александр I и одобрил петербургский митрополит Платон. Но брак оставался в тайне и обнаружен был лишь на следующий день после смерти графини.

Параша умерла 23 февраля 1803 года от внезапно обострившегося туберкулеза, через двадцать дней после рождения единственного своего ребенка. На похороны, состоявшиеся в фамильной усыпальнице Шереметевых в Александро-Невской лавре, не пришел никто из высочайших знакомых вдовца. По завещанию графини Шереметевой в Москве основали Странноприимный дом (ныне Институт скорой помощи имени Склифосовского), по уставу которого давали «бесприютным ночлег, голодным обед и ста невестам приданое».

Николай Петрович горевал искренне и тяжело, но потом утешился и завел новую крепостную фаворитку — танцовщицу Алену Казакову.

Прасковья Ивановна Шереметева.
Портрет работы Анжелики Кауфман.

риантах народная песня «Вечор поздно из лесочку я коров домой знала» описывает знакомство Николая Петровича со своей Парашенькой: будто бы при случайной встрече возвращавшегося с охоты графа с прекрасной скотицей между тридцатилетним крепостной певичей, продолжавшей доить коров, вспыхнула искра обоюдной любви: «Ты родилась крестьянкой; завтра будешь госпожа!» — будто бы вырвалось у очарованного графа.

«Завтра» наступило очень скоро. Да и не могло быть такой встречи — воспитанная в господском доме примадонна давно уже забыла о крестьянской работе. Скорее всего театральные восторги, которые сиятельному меломану доставляли артистизм и пение Парашы, получившей волею графа сценическую фамилию Жемчугова, да хвалебные отзывы знатных гостей, вплоть до царствующих особ (известны записки секретаря Екатерины II о том, как после спектакля 1787 года, на котором присутствовала императрица, ей был сделан от державной гостии «драгоценный подарок»), привлекли небрежное внимание хозяина к его крепостной: что же это за сокровище созрело в моем хозяйстве? Любовь, как и стихи, растет иной раз из такого сора...

Таланты Прасковьи Ивановны

девы: Луиза из оперы Монсиньи «Беглый солдат», спасавшая любимого мужа от несправедной казни (личная премьера в тринадцать лет, несомненно «браво», кошечки вельмож, летевшие на сцену после спектакля), турчанка Зельмира в патристической опере «Взятие Измаила», Нина в «Безумной от любви»; пастушка Анюта в комической опере «Перевозчик Куковский», написанной на местный сюжет; Царица Голконды и Замора — царственные персонажи удавались актрисе не хуже героинь сентиментальных любовных историй. Ее самая лучшая по отзывам современников роль — Элиана в опере Гретри «Самнитские браки», в которой Параша играла роль героической девушки-самнитянки, восставшей против древних несправедливых законов, запрещающих вступать в брак по любви, а потом спасавшей родину от врагов на поле брани.

По иронии судьбы Жемчугова часто играла в спектаклях о неравных браках. В разных вариациях разыгрывался один и тот же сюжет со счастливым концом: все препятствия устраняются, и герои поют что-нибудь вроде «Позабудем огорченья, днесь настали дни утех, нам любовь дала мученья, но милее стала для всех». К примеру, ее героиня в опере «Люсиль» — страдающая и любящая дочь богатого и знатного семейства,

ПОВЕСТЬ о любви бравого помещика Алексея Берестова и его хорошенькой, но очень уж сумасбродной соседки Лизы, сочиненная Пушкиным, стала для современников романтическим литературным развлечением со счастливым концом. Все проблемы, искусственно возникавшие от игры барышни в крестьянку, решались сами собой, как только дворяночка обрела свой собственный подлинный лик. За это суровые критики действительности, как, например, Белинский, и не приняли «Барышню-Крестьянку». Возможно, сочиняя свою отповедь, «Неистовый Виссарион» драму дочери крепостного кузнеца, на свое счастье-несчастье ставшей графиней Шереметевой...

ПАРАША, ДОЧЬ КУЗНЕЦА

Судьба Прасковьи Жемчуговой целиком сложена из чужих прихотей: добрых или злых. Обстоятельства ее жизни — клад для борцов с социальным неравенством и для феминисток: кроме «ужасов крепостного права» (весьма в ее случае сомнительных), можно найти буквально все возможные формы извечной женской зависимости от патриархата.

Будущая гордость русской оперы родилась двести тридцать лет назад, в июле 1768 года, в семье крепостного кузнеца.

В семь лет девочку взяли в господский дом (истребление всего крестьянско-простонародного — в тексте одной из ее ролей тщательно исправлены буквы «о» на «а», чтобы убрать «окающий» местный диалект; светские манеры, иностранные языки, политес, музыка, пробуждение природного артистизма и великопленного голоса), в одиннадцать — дебютировала в спектакле шереметевского театра. В двенадцать получила главные роли в операх, идущих на сцене Кукова, — резиденции графов Шереметевых. Театр был логическим продолжением многочисленных увеселений и любимейшим из вельможных развлечений Кукова, (а впоследствии и Останкина, где театр получил специально построенное по новейшим проектам здание). Многочисленные гости Кукова, бесплатно посещавшие это прекраснейшее место, так же, как и венценосные особы (несколько императриц с императорами), изволившие заехать в резиденцию Шереметевых, не упускали возможности лицезреть трагическую или комическую оперу, аллегорический балет, новейший, выписанный из Парижа, водевиль.

...Когда Николай Петрович, единственный сын графа Петра Борисовича Шереметева, вернулся из заграничного вояжа, отец с облегчением передал ему все громоздкое театральное хозяйство. Виолончелист-любитель, театрал, просмотревший все новинки Европы, бывший студент Лейденского университета, увлеченный, как и многие тогда, идеями Вольтера и Руссо, владетель библиотеки с шестнадцатую тысячами томов, — сын, которого современники прозвали «Крезом-младшим», с упоением занялся своей музыкальной игрушкой. Собственный театр (всего 116 пышных постановок)